

МЕМОУАРЫ

**ИЗ ДНЕВНИКА
ПИСАТЕЛЯ**

ПРОЗА

**ГОСТИ
НОМЕРА**

НАШЕ ВРЕМЯ

КРИТИКА

ДЕБЮТ

КРАЕВЕДЕНИЕ

**О НАШЕМ
АЛЬМАНАХЕ**

ПАССАЖ

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
СМОЛЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

ПОД ЧАСАМИ

№ 11 • КН. 2 • 2012

ББК 84Р7

УДК Р2

П-44

Составитель: Владимир Макаренков

(рассказы Ксеинии Драгунской и Курта Воннегута в переводе Андрея Криволапова, очерки Анны Лапиковой представлены для альманаха Зеаном Каганом, материалы раздела «Наше время» — Борисом Лукиным, рецензия на альманах Владимира Шпакова — Владимиром Лавровым)

Тексты печатаются в авторской редакции

Под часами: альманах. Кн. 2 / Смоленское отделение Союза российских писателей. — Смоленск: Свиток, 2012. — 216 с.

ISBN 978-5-94223-689-2

ББК 84Р7

© Смоленское отделение Союза российских писателей, 2012

© Оформление: Свиток, 2012

© А. Макаренков. Рисунки на обложке, 2012

МЕМУАРЫ

5 Вадим БАЕВСКИЙ. «Отец и дочь: двойной портрет».

20 Вера СУХАНОВА. «Записки редактора».

ИЗ ДНЕВНИКА
ПИСАТЕЛЯ

23 Олег ЕРМАКОВ. «Радио сумерек»: «Слепая рука», «Безумно жить», «Наброски для тишины», «Радио Хлебникова», «Солнце за дверью», «Сумерки», «Урок музыки», «Вас не тянет из окошка...», «Ритм благодати», «Лебединой тропой», «Пёс музыкальный», «Следы на снегу», «Только музыка», «Побег».

ПРОЗА

29 Раиса ИПАТОВА. «Из цикла «Зазубрины»: «Свобода», «Соседи», «Фонтан», «Юбилейные пляски», «Высший уровень», «Выбор». «Из «Кошёлки»».

32 Алексей ВИТАКОВ. «Меркурий» (исторический роман).

71 Вадим УДАЛЬЦОВ. «ОЗЕРО ПЕЙПУС (ПОБОИЩЕ НА УЗМЕНСКОМ ЛЬДУ)» (главы из повести).

79 Александр МАКАРЕНКОВ. «Городской роман-с» (рассказ).

95 Николай ЧЕПУРНЫХ. «Евгения Павловна», «Жеребчик Орлик и кобыла Вобла», «Улица-улица, ты, брат, пьяна...» (рассказы).

99 Владимир МАКАРЕНКОВ. «Умереть по закону» (очерк).

ГОСТИ
НОМЕРА

105 Ксения ДРАГУНСКАЯ. «Невеста», «Ирга», «Без понтов» (рассказы).

113 Курт ВОННЕГУТ. «Привет, Рыжий», «Милые маленькие человечки» (рассказы, перевод Андрея КРИВОЛАПОВА).

123 Александр ЛЕЙФЕР. «Осенний свет», «Тбилиси – город старинный» (рассказ).

НАШЕ ВРЕМЯ

127 Дмитрий Ермаков. «Приключение» (рассказ).

140 Сергей ОВЧИННИКОВ. «Грумант» (рассказ).

147 Игорь МИХАЙЛОВ. «Бове, Никола зимний и Порублю», «Угомон», «Летнее кино» (очерки).

КРИТИКА

159 Борис ЛУКИН. «Лукаво искусительная тьма» (размышления при чтении романа «Тень филина» Дмитрия Ермакова)

ДЕБЮТ

167 Андрей АГАФОНОВ. «История с продолжением» (рассказ).

КРАЕВЕДЕНИЕ

- 179 Василий САВЧЕНКОВ. «Здравствуй, Глинка!», «Первая любовь поэта».
- 182 Анна ЛАПИКОВА. Из цикла «Смоленские истории»: «Почтенный Яков Азанчеев», «Сумасшедший пророк», «Фаворитка».
- 190 Зинаида ПАСТУХОВА. «Смоленские дороги в Беларусь. Путешествие в город Могилёв».

**О НАШЕМ
АЛЬМАНАХЕ**

- 196 Владимир ШПАКОВ. «Смоленский двухтомник».

ПАССАЖ

- 198 Зеан КАГАН. «Доска объявлений».
- 199 Александр КОРОЛЁВ. «Слово не воробей, а птица более высокого полёта» (афоризмы).
- 202 Сергей ЖБАНКОВ. «Больные», «Полный порядок», «Блондинка за рулём», «Реформа по форме», «Придурки», «Правда-матка», «Автообъявления», «Женихи», «Двойная фамилия», «Скорая помощь».
- 211 НАШИ АВТОРЫ

Вадим БАЕВСКИЙ

ОТЕЦ И ДОЧЬ: ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича или Марию Петровну. Писатели будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни.

Лев Толстой

Я не собираюсь предложить вниманию читателей биографию двух неординарных людей. Биографические сведения о них то и дело публикуются в разных изданиях и Интернете. Читателя ждет рассказ человека, который любил двух портретируемых и любит память о них. Сейчас, по-видимому, я один в целом мире могу рассказать некоторые существенные подробности их жизней. Я не обладаю доблестью Эккермана, или доктора Ватсона, или Лидии Корнеевны Чуковской. Хотя я веду дневник с двенадцати лет, я не делал и не делаю записей ежедневно. Дневник мой зияет провалами, так что на нижеследующих страницах представлены лишь случайные эпизоды. Зато я ручаюсь за достоверность каждого сообщения. Почти все здесь представлено на основе дневника и писем.

Мы поступали в школу в 1937 г. в восемь лет и учились десять лет. В первом классе учительница посадила ее в среднем ряду за первую парту, меня – в середине того ряда, который у двери. Класс был большой, сорок пять шалунов. Я сразу выделил среди всех маленькую черненькую подвижную девочку. Она носила юбочку с широкими шлейками, которые лежали у нее на плечах и как бы образовывали пелеринку. Время от времени она грациозно поводила плечиками, вроде бы поправляя свою пелеринку. Я не знал тогда слова «грациозно», но каждый раз, когда со стороны видел это движение, просто умирал от прилива нежности. Хотите верьте, хотите нет, но я тогда же решил, что должен на этой девочке жениться. Что с этим событием связано, я себе, конечно, не представлял, но знал, что должен быть всегда с нею, чтобы ее защищать.

Однажды после занятий я выследил, куда идет моя Дульцинея. Оказалось, она живет совсем близко от школы – через один дом. Когда только удавалось, я нарушал порядок,

за которым внимательно следили в моей семье, и слонялся вокруг ее дома в надежде увидеть ее вне школы. Наша замечательная учительница Анна Лукьяновна Беляновская, очевидно, заметила, что со мною делается, и пересадил меня за парту в средний ряд, к Эде Береговской.

■□

Я знал мою жену Эду Береговскую семьдесят четыре года – четырнадцать лет до свадьбы и шестьдесят лет в браке. Она родилась 11 ноября 1929 г. в Киеве в семье выдающегося фольклориста-музыковеда Моисея Яковлевича Береговского. В 20–30-е гг. он записал и изучил музыкальный фольклор еврейского населения, которое позже было уничтожено Холокостом. Его деятельность привлекла сочувственное внимание Д.Д. Шостаковича.

■□

Через месяц после того, как мы окончили четвертый класс, грянула война. Она разметала нас в разные стороны. Мне пришлось пересечь просторы от Киева до Кустаная и Ашхабада и от Ашхабада до Житомира, и куда бы я ни попадал, от прифронтового города до глухой железнодорожной станции в Казахстане, я высматривал Ее. «Если судьба занесла сюда меня, то могла занести и Ее», – рассуждал я.

Вернувшись в Киев, я продолжил поиски. Я надеялся, что как я после всех мытарств снова оказался в Киеве, так и она. Рассказывал знакомым ровесникам о той, которую ищу, называл её имя и фамилию и просил их спрашивать о ней у их знакомых. Они слушали меня с уважением и не только расспрашивали своих знакомых, но просили их наводить справки

дальше. И в то же самое время систематически, собрав всё своё мужество, я обходил одну за другой киевские женские школы. Во время войны для мальчиков и девочек придумали отдельные школы, и продержалась эта нелепость, как и многие другие, до смерти Сталина. Приходил в канцелярию женской школы робкий восьмиклассник, позже девятиклассник, и, готовый провалиться сквозь землю, спрашивал, не учится ли здесь его Дульцина. Не могу вспомнить ни одного случая, чтобы со мной поговорили сочувственно. Не могу понять, почему меня встречали настороженно, насмешливо, подозрительно, полувраждебно. И всё-таки на мой вопрос, заглянув в списки, отвечали. Но ответ всегда был «нет». В конце концов к цели привёл первый путь.

■□

Я пришел по полученному от знакомой адресу, поднялся на четвертый этаж старого дома, и мне открыла дверь она. Объятий не последовало: мы расстались маленькими детьми, и ее еще следовало завоевывать. Она ввела меня в большую комнату, где меня радушно приняли ее родители.

– Что-то у нас темновато, – проговорил ее отец и потянул за шнур шторы, полуприкрывавшей окно. Когда штора отошла, стал виден балкон, на котором были развешены свежестиранные бюстгалтеры. Моя возлюбленная фыркнула. Ее отец потянул за другой шнур и отодвинул другую штору. Открылся вид на женские трусики.

– Ну папа! – возмущенно произнесла моя вновь обретенная возлюбленная.

– А что? В чем дело? – с наигранной наивностью спросил Моисей Яковлевич.

Моисей Яковлевич явно ко мне благоволил. Задним числом я думаю, что он сразу решил, что я подходящий муж для его младшей дочери.

Вскоре я прочитал какую-то книгу о Зигмунде Фрейде, случайно доставшуюся мне в библиотеке киностудии. И поспешил поделиться своими восторгами с Моисеем Яковлевичем. Когда я попытался изложить ему содержание учения Фрейда, он ухмыльнулся, остановил меня и сказал:

– Фрейда мы читали. Но...

И дальше высказался о его учении весьма скептически. Около этого же времени до меня дошло из ближнего окружения Пастернака сти-

хотворение «Гамлет». Оно меня захватило, и я поспешил прочитать его Моисею Яковлевичу.

– Дима, неужели вам это нравится? – спросил он меня.

Я оторопел. Он, видимо, почувствовал, что должен объясниться:

– В наше великое время Пастернак пишет: «Я один, все тонет в фарисействе». Неужели вам это близко?

Я только пожал плечами.

■□

Три десятка лет спустя мы с женой по настоячивому приглашению Юрия Михайловича Лотмана около недели гостили у него и его жены Зары Григорьевны Минц в Тарту. Зашел разговор и о Фрейде. Юрий Михайлович и моя жена отвергали его концепцию, а мы с Зарой Григорьевной ее отстаивали. Я проштудировал одиннадцать монографий Фрейда и, полагая, имею основание говорить о его учении. Юрий Михайлович утверждал, что Фрейд не изобрел убедительного инструментария для исследования Бессознательного, моя жена говорила о том, что Фрейд придавал либидо чрезмерно большое значение в формировании человека и в последующем его существовании. И то и другое – наиболее частые возражения против учения Фрейда, но все равно благодаря высокой культуре спора моих оппонентов и союзницы обсуждение получилось увлекательным. Юрию Михайловичу я сказал: как же Фрейд не изобрел инструментария, когда он успешно помогал людям с больной психикой и положил начало сильному направлению в медицине? Юрий Михайлович мне не ответил, а привел такой пример. Нам снится сон. Потом мы просыпаемся и передаем его в категориях времени, пространства, причинности. А откуда мы знаем, что во сне все так и представлялось: сначала одно, потом, как его следствие, другое, как его следствие, третье и т.д.? Может быть, одновременно или почти одновременно возникло несколько смутных образов, а мы, проснувшись, бессознательно придали им знакомый вид, расставили их в понятном для нас порядке. Так же Фрейд нечто непознаваемое, недоступное представляет в сильно упрощенном виде, а потом уже о нем рассуждает.

– Да, но тем самым ты все-таки не отрицаешь, что Бессознательное существует! – отметила Зара Григорьевна. – Какова же его функция?

И спор продолжился.

Лет через пятнадцать после нашей свадьбы жена меня уверяла, что какой-то, не помню фамилии, современный украинский поэт лучше Пастернака. Видимо, закваска, воспринятая в доме отца, прочно вошла в ее Бессознательное.

■□

Пока мы учились в школах, всё было благополучно. Окончив школу, она поступила в университет, на романо-германское отделение филологического факультета. В день ее рождения, когда ей исполнилось 18 лет, был устроен уютный семейный праздничный ужин. Из посторонних людей, насколько я помню, был я один. Это показывает, как прочны были мои позиции. Я где-то достал 100 рублей (тогда – очень солидные деньги) и на базаре купил огромный фолиант – двуязычное, англо-русское издание «Потерянного и возвращенного рая» Мильтона 1895 года выхода в свет с пятьюдесятью большими, мощными иллюстрациями Гюстава Доре. В предисловии к книге они справедливо названы картинами. Вот и в настоящую минуту старый могучий том лежит передо мной. Это был 1947 год, голодный год, и на базаре рядом с мясом, овощами, фруктами можно было увидеть Мильтона, Пушкина, Эсхила на русском, английском и древнегреческом языках. Продавали дорогие книги, целые библиотеки, чтобы не умереть с голоду.

Довольный своей покупкой, я сделал на титульном листе подобающую надпись, которая теперь выглядит на редкость наивной, притащив эту книгу и подарил новорожденной. Комната, где собралась семья, была обставлена бедной мебелью, но уютно освещена несколькими старомодными и самодельными лампами. Помню стоявший на полу и возвышавшийся над всеми торшер. В предвкушении изысканного ужина, в приподнятом настроении расселись вокруг красиво накрытого стола сама новорожденная, ее старшая сестра Ира, муж Иры Изя. Он еще не снял военной солдатской формы, только был, конечно, без погон. Его присутствие навевало скрытую, но неистребимую грусть. Мы все постоянно помнили, что на войну, которая недавно окончилась, из его семьи ушли четверо: отец и трое сыновей. Вернулся один Изя.

Моисей Яковлевич встал с рюмкой в руке. Мне несколько раз уже приходилось обедать

в этом гостеприимном семействе, и меня огорчало лишь одно: из напитков всегда подавались только домашние наливки, которые родители моей будущей жены настаивали в бутылках на подоконниках. Я сожалел, что не бывает коньяку или водочки.

Так вот, Моисей Яковлевич встал с рюмкой наливки в руке и произнес тост:

– Мы поздравляем нашу дорогую любимую Эдочку с днем ее рождения. Не простым днем рождения, а с днем ее совершеннолетия. Она чудесный человек, многие ее любят, многим она приносит радость. Приходится слышать ей похвалы от знакомых людей. Посторонние люди получают от нее нахес.

(Нахес – по-еврейски значит «радость»).

– Жаль только, что мы, ее семья, от нее мало имеем нахес, а всё больше цурес.

(А цурес по-еврейски значит «горе»).

– Выпьем же наш первый тост за то, чтобы мы тоже видели от нее один только нахес.

Вот такой неожиданный тост произнес тихий добрейший Моисей Яковлевич.

Новорожденная, конечно, надула губки, и праздничный вечер был ей испорчен.

Если бы в тот миг Моисей Яковлевич и его дочь, да и мы все, вдруг каким-то чудом узнали, что полвека спустя его строптивая дочь с ученой степенью доктора романской филологии, университетский профессор, будет том за томом издавать его оставшиеся не опубликованными труды по еврейскому музыкальному фольклору, носиться на международные конференции, посвященные изучению его наследия, с докладами о его жизни и деятельности, то в Петербург, то в Иерусалим, то в Киев, покажет научному миру фольклористов, этнографов, антропологов подлинное значение трудов своего отца и добьется того, что из безродного космополита он превратится в классика мировой фольклористской науки!

■□

Дочь Моисея Яковлевича не сразу выбрала путь ученого. Отец-музыковед считал само собою разумеющимся, что его дочь будет музыкантом. Он мечтал о том, что она станет скрипачом симфонического оркестра. Время для овладения скрипкой нельзя было упустить, и ее заставляли учиться в музыкальной школе по классу скрипки даже в тяжелейших бытовых условиях эвакуации, голода в Уфе во время войны. Музыка она любила, а от скрипичной

техники изнемогала. Когда выяснилось, что профессиональным музыкантом она не будет, она решила стать музыковедом. Тут воспротивился ее отец.

– Вокруг искусства всегда роятся бездельники, которые это искусство эксплуатируют. Они называются искусствоведами. Неужели ты хочешь быть одной из них?

По совету отца его дочь решила изучать иностранные языки, все еще не думая ни о научной, ни о педагогической карьере.

Ее увлечение музыкой отозвалось неожиданным образом. Работая в школе и преподавая немецкий язык, она создала детский хор, который на Новый год умиротворительно распевал на несколько голосов «О, Tannenbaum, о, Tannenbaum...». А придя работать в институт, где она преподавала французский язык, она создала студенческий хор «Прекрасная Марианна», который на несколько голосов исполнял французские, русские песни и песни некоторых других народов на их языках. Она приобщила к музыке дочь и внука, а когда на ее плечи легла забота об издании трудов отца по еврейскому музыкальному фольклору, она и здесь применила свое знание музыки.

В школе она работала, когда мы жили в Донбассе, в Центральном поселке Чистяковского района Сталинской, потом Донецкой области, где быт был почти невыносимо тяжел. У нас родилась дочь. И мать дала ей знание основ французского и немецкого языков и музыки.

Позже, когда у нас появился внук, мы оба в нем души не чаяли. Иногда родители привозили его к нам в Смоленск, а сами отправлялись отдыхать с друзьями к морю. Родителей и нас огорчало, что он не хотел учиться музыке. Не только не подходил к пианино, но демонстративно поворачивался к нему спиной. Однажды жена взяла семь бутылок разной высоты и толщины стекла и налила в них воды так, что при ударах серебряной десертной ложкой получалась гамма. Это заинтересовало внука, когда бабушка исполнила на самодельном ксилофоне простейший знакомый ему мотив. Он стал пытаться подражать бабушке и сам, а потом потянулся к пианино. Теперь он со своим саксофоном концертирует по всему миру.

■□

Но это все потом. А тогда, когда она поступила в университет, вокруг неё стали роиться блестящие молодые люди, самоуверенные,

весёлые, велеречивые, откормленные. Удерживать мою любовь оказалось значительно труднее, чем найти. Я занимался классической филологией и видел себя в положении Одиссея, вернувшегося из странствий на остров Итаку и попавшего в своем доме на толчище женихов, пристававших к его Пенелопе. Одиссей жестоко расправился с ними. Боюсь, я тоже, если бы мог, убил бы своих соперников. К счастью, обстоятельства были совсем другие, и я ограничился тем, что слегка вздул одного из них. Они только через два года по особому случаю не то чтобы провалились, как сквозь землю, а так, ступевались. А я только и мог, что писать ей длинные поэмы.

Когда у неё дома за столом во время вечернего чая собиралось общество, я сам видел, что другим безнадежно проигрываю. Моя Дульцинея стала со мной холодна, я понимал, что так мне и надо, что иначе и быть не может, но исчезнуть не имел сил. Утешался словами Байрона, повторяя себе, что легче умереть за женщину, чем жить с ней. Как раз в ту пору в домашней библиотеке одного моего замечательного старшего друга я открыл для себя тонкие книжечки со словами «Шатер» и «Огненный столп» на обложках. Так вот, я не умел, когда женщина с прекрасным лицом, единственно дорогим во вселенной, скажет: «Я не люблю вас», – улыбнуться, и уйти, и не возвращаться больше. И так оно тянулось, пока я не получил формальную отставку. И оказался на беспривязном содержании, как говорят смоленские животноводы.

■□

А у Бэбы были необыкновенные светлосияющие глаза в крапинку. Да, по радужной оболочке были разбросаны чёрные крапинки. Я целовал эти изумительные глаза и говорил:

– У тебя глазки гнедые в яблоках.

Почему-то нам обоим это казалось необыкновенно смешно. Теперь они давно уже навсегда закрылись.

А Майя внезапно умерла в двадцать один год. У неё была какая-то страшная болезнь сердца, а я и не знал. Когда это случилось, мне боялись сказать: такая страстная была у нас любовь.

Элочка... Моя Эллада...

Перед Элочкой я безмерно виноват.

В институте у меня были замечательные учителя, мне повезло. Как мог, я рассказал